

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА В ЗЕРКАЛАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тема гражданской войны рассматривается в статье на примере ряда произведений литературы серебряного века и эмигрантской литературы первой волны. Через выявление библейского контекста автор статьи показывает, что эти произведения объединяет отказ от идеологических пристрастий, ориентация на общечеловеческие ценности.

Мифологема гражданской войны, библейский контекст, литература серебряного века, эмигрантская литература первой волны.

The theme of the civil war is considered in the article on the example of a number of literary works of the Silver Age and the emigrant literature of the "first wave". The author of the article shows that the refusal from ideological preferences and orientation on human values unites these works through identification of the biblical context.

Mythologem of the civil war, biblical context, literature of the Silver Age, literature of Russian Emigration of the "first wave".

В зеркалах художественной литературы исторические события отражаются не вполне адекватно: они претерпевают там значительные изменения, обобщаясь до бытийных пределов, общечеловеческих, порою символических феноменов, которым в долгой истории человечества суждено повторяться и повторяться. Так называемое «правдивое», то есть жизнеподобное и исторически точное отражение событий в образных рядах – достояние публицистики и беллетристики, которые могут играть и часто играют важную роль в определенные периоды конкретно исторического времени, но потом остаются в этом времени ценными музейными экспонатами, не переходя в разряд литературной классики, обреченной на вечное существование. Примером такого существования может послужить, например, тема Куликовской битвы как сквозная во всем творчестве А. Блока, разрабатываемая им на протяжении не менее десяти лет и сложившая разножанровый тематический ансамбль: статья «Народ и интеллигенция», драма «Песня судьбы», лирический цикл «На поле Куликовом», план «исторической картины» о Куликовской битве... Во всех этих произведениях историческое событие осени 1380-го г. воплощения почти не нашло: тема разработана как «символическая» или метаисторическая вариация давнего феномена русской *истории*; центральная идея всего ансамбля – у каждого поколения русских есть собственное Куликово поле, то есть поприще активных забот о Родине, о чем не уставал напоминать соотечественникам многих поколений величайший поэт XX столетия. Поэты-современники и последователи на протяжении всего прошлого столетия, подхватив, разрабатывали его тему, обогащая ее собственными поэтическими вариациями: А. Ахматова, М. Цветаева, Д. Андреев, С. Орлов, В. Высоцкий. Самую сгущенную формулу «символической» темы предложил поэт Н. Рубцов:

Россия, Русь, храни себя, храни,
Смотри, опять в твои поля и доли
Со всех сторон нагрянули они –
Иных времен татары и монголы.

То же произошло и с темой Гражданской войны. Один из реальных участников событий русской смуты 1918 – 1921-го гг. XX в., еще недавно почти неизвестный на родине русский писатель Гайто Газданов, в самом популярном из своих романов «Вечер у Клэр» устами героя, кадрового офицера русской армии, предвещает будущее такой теме в отечественной литературе: «Если ты останешься жив после того, как кончится эта резня, – напуган он юного племянника, волонтера Добровольческой армии, – ты прочтешь в специальных книгах подробное изложение героического поражения белых и позорно-случайной победы красных – если книга будет написана ученым, сочувствующим белым, и героической победы трудовой армии над наемниками буржуазии – если автор будет на стороне красных» [4, с. 113]. И, как сказал бы Некрасов, «сбылись, как по писанию, предсказания»: именно так, в двойном ряду зеркал отразилась впоследствии Гражданская война в «специальных книгах» – в ученых трудах, в мемуаристике, в беллетристике, где Гражданская война продолжилась и длится поныне, разделив самих литераторов на «красных» и «белых». Но не в собственно-художественной литературе, не в том ее пласте, который, пройдя читательскую апробацию, зовется классикой.

В этом пласте тема Гражданской войны, как тема Куликовской битвы у Блока, обобщилась до символической, стала выражением резкого неприятия гуманизмом всех времен явления братоубийства во всех его проявлениях. Так, например, М. Цветаева в своих «белогвардейских» произведениях явственно опаленных недавними событиями, близко коснувшимися ее самоё (муж был в рядах Белого воинства),

в поэтическом ансамбле «Белый стан» и в поэме «Перекоп» наряду с экзальтированной поэтикой гимна в честь Добровольческой армии («Белая гвардия, путь твой высок!») использует и библейскую образность, и стилистику обобщенной, рассчитанной на века, общечеловеческой мудрости. В поэме «Перекоп» затянувшееся противостояние белых и красных характеризуется библейскими образами враждующих братьев – Каина и Авеля:

Грех. Сверху – зрак:
Каин! – Здесь? – Каин, брат
Где твой? Хриплым, как наш,
Гласом: Брату не страж! [8, с. 608]

А «Лебединый стан» завершается не столько торжественным поздравлением с новым 1921-м г. чудом спасшихся от погони добармейцев («С Новым годом, молодая Русь, / За морем, за синим!») сколько мотивом общенациональной боли, выраженной в форме народной заплачки:

Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь:
То, шатаясь, причитает в поле Русь.

Помогите – на ногах не тверда!
Затуманила меня кровь-руда.
И справа, и слева
Кровавые зевы,
И каждая рана:
Мама!

Все рядком, лежат –
Не развестъ межой. Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?
Белый был – красный стал:
Кровь обагрила.
Красный был – белый стал:
Смерть побелила <...>
И справа, и слева,
И сзади, и прямо
И красный, и белый:
Мама! [8, с. 185].

И в другом стихотворении – еще резче:
Вместо глазниц – Черные рвы.
Ненависть, ниц:
Сын – раз в крови! [8, с. 263].

А «молодую Русь» – «за морем, за синим» – она молит об одном: недопустить эскалации «вражды вселенской», ужаса братской уособицы в чужие края:

Переселенцами
В какой Нью-Йорк?
Вражду вселенскую,
Взвалив на горб <...> [8, с. 265].

Отметим, что библейская мифологема гражданской войны (братская распря: Абель – Каин; Блудный сын – его старший брат) в русской *литературной* классике нашла себе место задолго до того, как свершились исторические события, давшие устойчивое основание для дефиниции «гражданская война», то есть *столкновение* белой и красной армий в России конца 1910-х и начала 1920-х гг. XX столетия.

Трагический разлом семьи в России не был рожден революцией 1917 г., но сформировался много раньше, может быть, еще в эпоху петровских реформ, внесших серьезный раскол в патриархальное единство русского общества. Такая мысль широко развернута в образном строе упомянутого произведения М. Цветаевой «Лебединый стан». В литературе же «золотого», теперь уже позапрошлого, XIX столетия драма братского противостояния прошла через целый ряд произведений писателей-классиков: И. Тургенева («Отцы и дети»), Ф. Достоевского («Бесы», «Братья Карамазовы»), М. Салтыкова-Щедрина («Господа Головлевы»). Наиболее глубоко и последовательно предчувствие братской, междоусобицы большого масштаба разработано в последнем из названных произведений Достоевского – «Братьях Карамазовых».

Все члены этой семьи являют собою разные пласты культуры и объединены не столько кровным родством, сколько силою родового «беспредела», которая никак не может стать основой согласия, – *наследственной* «карамазовщиной». Их ненависть друг к другу – предпосылка самых решительных столкновений, вплоть до отцеубийства, которое и совершено в конце концов: фактически – Смердяковым, но по существу – его идейным вдохновителем Иваном и лишь по случайности не омывшим рук отцовской кровью Дмитрием. Кровавая вакханалия в кругу единой семьи – и предыстория, и пророчество, отразившие состояние русского общества накануне глобальных общественных катаклизмов. Отечественным пророкам уже тогда открывалось, что такое общество («семья») готова к кровавым брато- и отцеубийствам.

Чутко уловив движение темы братской уособицы в недрах классической реалистической литературы XIX в., классик нового столетия И. Бунин в атмосфере ожидания Первой мировой войны, которая стала прологом гражданской войны в России, писал рассказ «Братья». Эпиграфом к нему, заимствованным в сокровищницах древней восточной мудрости, пророчески объявил новую фазу жизни вечной библейской темы братской уособицы и определил ее тональность: «Взгляни на братьев, избивающих друг друга. Я хочу говорить о печали» [2, с. 180].

Минуем тот беллетристический пласт, который сам явил собою эпизод «гражданской войны» – в литературе, разделившись на «белое» и «красное» враждующие направления. Для полноценного освещения этого эпизода истории русской литературы отечественным ее историкам сегодня явно недостает образцов пристрастной «белой» беллетристики. В широком потоке возвращаемой на родину эмигрантской литературы «первой волны» определенно преобладают собственно художественные ее образцы, а злободневная беллетристика все еще ждет своей очереди на страницах русскоязычной периодики тех лет в литературных архивах разных европейских стран. Потому затруднительно рисовать объективную картину противостояния литературных сил этой природы, не имея, что противопоставить знакомой нескольким поколениям ныне живущих читателей-

соотечественников злободневной «красной» беллетристике: «Бронепоезду 14-69» Вс. Иванова (1922), «Железному потоку» А. Серафимовича (1924), «Чапаеву» и «Мятежу» Д. Фурманова (1923, 1925), «Разгрому» А. Фадеева и многим другим. Поэтому, обойдя пока злободневно-беллетристический уровень литературы о гражданской войне, лишь обозначив его нишу в общей перспективе изучения темы, обратимся к тем явлениям словесного искусства, которые поднялись над злобой дня и возвысились до границ вечности, выявляя глубинный, сущностный смысл преходящих событий и обобщая его на уровне общечеловеческих смыслов существования.

Таков был классик XX столетия, писатель М. Булгаков. Для него тема гражданской войны стала сквозной и глубоко личной. Находясь в качестве военврача в рядах белого воинства на Кавказе, он чудом избежал эмиграции, остановленный в этом беге во Владикавказе возвратным тифом. Очнувшись от смертного бреда, он был уже гражданином Советской республики и активно этого статуса изменить не решился. Тема гражданской войны объединила целые ряды его произведений, написанных в разных жанровых формах: «записки на манжетах», то есть циклы очерковых миниатюр, часть которых сведена в единство именно таким названием («Записки на манжетах»); рассказы классической формы, не собранные автором, но легко соединяемые при чтении в тематический цикл; роман «Белая гвардия», где тема определила фабульный стержень; цикл драматических произведений: «Дни Турбинных», «Бег», «Черное море». Ни в одном из этих произведений тема не стала содержательной самоцелью, но скорее – стимулом для утвержденной определенных и по его вере – абсолютных и вечных моральных постулатов. Главный из них можно сформулировать по образцу древнего и вечного Моисеева завета: «Не убий»!

Гражданская война для Булгакова, равно как и последующая массовая эмиграция, – тема, созвучная с библейской темой исхода, акт мировой мистерии. Еще в 1927 г. неистовый ревнитель пролетарского искусства Г. Горбачев писал в «Красной газете» по поводу «Дней Турбинных» и частично опубликованной «Белой гвардии» с нескрываемым неодобрением и плохо скрытым сарказмом: «У Булгакова нет четких монархических высказываний <...> а есть <...> настроение какого-то всепрощения, признание конечной моральной правоты, жертвенности, героизма, права на славу и покой за обеими героически дравшимися в гражданской войне сторонами» [5]. Добавим сюда то, чего Горбачев не захотел тогда заметить и отметить в своих суждениях: кроме признания «какой-то моральной правоты» обеих сторон в произведениях Булгакова содержался некий нравственный укор – и той, и другой. Сказать точнее – некоторое сожаление о том, что ни одна из них не нашла в себе сил прекратить кровавую усобицу. Роман «Белая гвардия» завершается вопросом-укором ко всем участникам той распри: «А зачем оно было? Никто не скажет. Заплатит ли кто-нибудь за кровь? Нет. Никто» – и риторическим воззванием ко всему человечеству: «Так почему же мы не хотим обратить

свой взгляд на них (небесные звезды – Ю.Б)? Почему?» [1, с. 420].

Подмеченные еще критиком-современником настроения писателя ныне выявлены его исследователями и сделались очевидны во всех произведениях перечисленного ряда, кроме, может быть, одного – оперного либретто «Черное море», литературная самостоятельность которого и по сей день не совсем признана. Тем более, что произведение не было полностью завершено в его литературной части, а музыка С. Потоцкого и вовсе не была написана, так что судить о замысле можно лишь по трем редакциям текста, хранящимся в архиве Булгакова в РГБ. Но судить можно и должно, так как две из трех редакций полностью оформились и показывают, что именно в этом произведении маргинальной жанровой формы воплощены те впечатления, о которых речь велась выше. Может быть, так получилось именно благодаря особенностям жанровой формы: ведь произведению предстояло стать основой музыкального спектакля (оперы), где настроение – один из важнейших компонентов содержания. Не углубляясь во все тайны содержательной композиции драмы-либретто, вычленим из нее один многозначительный элемент. Действие драмы завершается трагедией Перекопа, разгромом и бегством белой армии. В финале 4-й картины в Город вступает Красная армия. Идут ровные ряды ее конников (в оперном спектакле это должно было выглядеть весьма картинно), а «в отдалении, сгорбившись», едет красный командарм Михайлов (явная отсылка к исторической личности Михаила Фрунзе) [6]. Эта понурая фигура, присутствующая во всех редакциях либретто, остается важнейшим впечатлением потенциального оперного действия: не триумфатор занимает оставленный врагом Город, а человек, согнувшийся под тяжестью осознанной вины братоубийства... Так в разгар строительства социализма (вторая половина 30-х гг. XX в.) представлял себе образно русский писатель Булгаков цену победы Красной армии в Гражданской войне.

За неимением под рукой равного по образной яркости альтернативного художественного примера уравниваю соотношение идей и настроений во враждующих лагерях примером историческим: белый Главком Антон Деникин тоже, говорят, испытывал комплекс вины, ибо отменил в Добровольческой армии воинские награды, полагая безнравственным получать их за участие в братоубийственной акции¹.

Особый вклад в художественное: осмысление исторического события сделало следующее поколение русских писателей, сформированное в эмиграции первой волны, ушедшее за рубеж с остатками разбитой Добровольческой армии и к концу 20-х гг. понемногу стянувшееся в Париж. Там на Монпарнасе был основан Союз молодых русских писателей, в России не успевших о себе заявить, а здесь кроме самих себя – никому не нужных. Летописец из их

¹ Факт взят из юбилейной радиопередачи Российского радио, посвященной 128-летию со дня рождения А.И. Деникина от 16 декабря 2000 г.

рядов – Вл. Варшавский – назвал их «*незамеченным*» поколением; эмигрант второй волны из категории «Ди-Пи» Л. Ржевский окрестил «полупоколоением», а современные исследователи именуют «поколением подранков». Многие из них прошли через Гражданскую войну; иные еще сохраняли в душе ее энергию, выплескивая ее в стихах: реваншистских (И. Савин, или Саволайнен, умерший в Финляндии) или ностальгических (Б. Поплавский, А. Ладинский). Немалая часть, особенно те, кто стал прозаиком и тяготел к разрешению крупных нравственных или философских проблем, недавние социальные катаклизмы на родине (Октябрьскую революцию, Гражданскую войну, массовый исход первой эмиграции) понимали как историческую форму извечного жизненного абсурда, считая их не столь значительными на фоне метафизических катастроф – разрушения некой мировой гармонии духа, утраты мировоззренческого монизма и нравственного абсолюта. Об этом шел затяжной спор в русскоязычной парижской периодике до середины 1980-х гг. Предметом дискуссии была формирующаяся новая русская проза. Одним из ее лидеров становился тогда упомянутый Гайто Газданов.

Полуребенком (неполных 16-ти лет), недоучившимся гимназистом ввязался он в кровавое противостояние на стороне Добровольческой армии. Около полутора лет провел в составе артиллерийской обслуги на белогвардейском бронепоезде, мотаясь туда-сюда по южным дорогам страны. Эмигрировал в Турцию. Доучился в Болгарии. Стал в Париже ночным таксистом и одновременно студентом Сорбонны. И сформировался в большого русского писателя новейшего («незамеченного») поколения. Естественно, что в девяти его романах и сорока рассказах Гражданская война присутствует всегда, ибо герой всех произведений этого писателя всегда – в большей или меньшей мере – автобиографичен.

Логика осмысливания Газдановым исторического события необычна для стандартного представления о патриотизме эмигрантов первой волны и для традиционного русского реализма. Писатель трактует недавние социальные катаклизмы на родине как абсолютную историческую бессмыслицу, где нет ни правых, ни виноватых, ни победителей, ни проигравших, а только искусственное, почти фантастическое проявление абсурда. Вот размышления молодого героя, alter ego автора в романе «Вечер у Клэр»: «Было много невероятного в искусственном соединении разных людей, стрелявших из пушек и пулеметов: они двигались по полям южной России, ездили верхом, мчались на поездах, гибли, раздавленные колесами отступающей артиллерии, умирали и шевелились, умирая, и тщетно пытались наполнить большое пространство моря, воздуха и снега каким-то своим, не божественным смыслом» [4, с. 141]. Это самая концентрированная оценка исторических событий пограничья 10-х и 20-х гг. прошлого века, данная Большой литературой, или – Серебряной литературой, словом, свободной от какого бы то ни было социального или политического ангажмента. Не «белой» и не «красной», не пожелавшей стать ни

«частью общепролетарского дела» (В. Ленин), ни выразительницей имперских амбиций, но осознавшей свою корневую сущность, ориентированной на высшие и абсолютные нравственные устои, близкие христианским, но не тождественные им, а самостоятельно выработанные веками развития «священного писания земли русской» (М. Горький), то есть – русской литературной классикой.

В свете «божественного смысла», как выражался Газданов, гражданская война вылилась в преступную бессмыслицу («неправильность и неестественность происходящего»), и в ее водоворотах люди не обретали, как полагал А. Фадеев¹, а утрачивали нравственный потенциал, потому юный герой-повествователь «Вечера у Клэр», во многом идентичный самому автору и его поколению в целом, не запомнил в кровавой эпопее ни одного героического, ни даже просто достойного лица. А попав в новую эмигрантскую жизнь, он странно сложил свою память о пережитом: «... бои и убитые и раненые прошли для меня почти бесследно, а запомнились навсегда только некоторые ощущения и мысли, часто очень далекие от обычных мыслей о войне» [47, с. 121].

Политизированная парижская эмиграция не любила и не признала Газданова. Неудивительно: он высветил их вчерашний героизм и нынешнюю преданность исчерпавшей себя идее, как сказал поэт, «насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом». Литературные круги русского Парижа, ненавязчиво возглавляемые И. Бунинным и Д. Мережковским, оценили правду писателя Газданова, а критики – его талант, сравнимый (и сравниваемый) с набоковским.

Тема гражданской войны, как и у других писателей-эмигрантов, не была в газдановском творчестве темой ведущей. Но сквозным и постоянным стимулятором, лакмусовой бумагой, определяющей главное: содержанием той литературы был поиск высшего смысла жизни, а братоубийственная война ни при каких обстоятельствах не могла стать средством достижения такой цели.

Роман кончается тем, что юный герой с разбитой белой армией покидает родину и на корабле из Феодосии отплывает в Турцию, почти без сожаления и с тайной надеждой встретить где-то в Париже свою полудетскую любовь и вместе с нею выйти на площадь Согласия, которая в его мозгу живет как символический знак примирения: «Она всегда существовала во мне» и представлялась «иной, чем та, которая изображалась на почтовых открытках» [4, с. 152]. Символика финала открыта и очевидна: в душе русского писателя всегда живет некая «площадь Согласия», будь она в Париже, в Москве или где-то еще – «не такая, как на почтовой открытке» [4, с. 152]. В этом же свете примечательна и еще одна деталь: осуществить посмертное возвращение писателя Гайто Газданова к читателю-соотечест-

¹ «В гражданской войне происходит отбор человеческого материала. Происходит огромнейшая переделка людей», – А. Фадеев [7, с. 103].

веннику в конце XX столетия выпало на долю книгоиздательства с символическим названием «Согласие».

Литература

1. Булгаков, М. Собр. соч.: в 5 т. / М. Булгаков. – Т. 1. – М., 1989.
2. Бунин, И. Братья / И.А. Бунин // И.А. Бунин. Повести и рассказы. – Архангельск, 1982.
3. Воронина, Т. Спор о молодой эмигрантской литера-

туре / Т. Воронина // Российский литературоведческий журнал. – 1993. – № 2. – С. 152 – 184.

4. Газданов, Г. Вечер у Клэр / Г. Газданов // Газданов Г. Собр. соч.: в 3 т. – Т. 1. – М., 1996.

5. Красная газета. – 1927. – 24 мая, вечерний выпуск.

6. Российская государственная библиотека (РГБ). – Ф. 562. – К. 16. – Ед. хр. 8 – 9.

7. Фадеев, А. Собр. соч.: в 7 т. / А. Фадеев. – М., 1960. – Т. 4.

8. Цветаева, М. Стихотворения и поэмы / М. Цветаева. – Л., 1990.

УДК 81

В.Н. Бараков

СОЦИАЛЬНОЕ И МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В ПРОЗЕ СТАНИСЛАВА МИШНЕВА

В книге современного вологодского писателя Станислава Мишнева «Пятая липа» окончательно свершился переход от изображения автором социального времени крестьянства к переосмыслению его же, но с метафизических позиций. Станислав Мишнев способен угадать типичное как в судьбе отдельного человека, так и в жизни нации.

Станислав Мишнев, сравнительное и метафизическое время.

Stanislav Mishnev, a contemporary Vologda writer, made the transition from portraying the social time of peasantry to its reinterpretation with metaphysical positions in his book "The Fifth Lime Tree". Stanislav Mishnev is able to divine the typical in a person's fate, as well as in the life of the nation.

Stanislav Mishnev, comparative and metaphysical time.

Еще в середине 1990-х годов А. Солженицын писал: «Ослабление тяги к земле – большая опасность для народного характера. А ныне крестьянское чувство так забито и вытравлено в нашем народе, что, может быть, его уже и не воскресить, опоздано – переопоздано» [4, 553]. Кстати, Солженицын тут же решительно утверждал: «Станет или не станет когда-нибудь наша страна цветущей – решительно зависит не от Москвы., – а от провинции» [4, 559]. Даже А. Янов, убежденный противник почвенничества, признает: «Демократия медленно, но неуклонно проигрывает – по мере того, как углубляется эрозия либеральных ценностей и испаряется доверие к Западу» [5, с. 27]. В 1996 г. три философа: А.А. Карамурза, А.С. Панарин, И.К. Пантин предприняли очередную попытку найти выход из духовного кризиса в России: «Духовно-идеологический кризис, охвативший сегодня широкие пласты российского массового сознания, проявляется в двух основных формах:

– в кризисе национальной идентичности, утрате чувства исторической перспективы и понижении уровня самооценки нации, резко перешедшей от мессианской самоуверенности к историческому самоуничижению;

– в разрыве единого духовного пространства и утрате национального консенсуса по поводу базовых ценностей, потерявших статус «абсолютных» ориентиров и ставших предметом общественной полемики.

Признаки современной духовной дезориентации населения, политико-идеологического разочарования и апатии связаны, в первую очередь, с неожиданно быстрым крушением очередного – на этот раз антикоммунистического, либерально-демократического социального мифа... Эта способность к очередному оптимистическому мифотворчеству еще раз продемонстрировала живость религиозного архетипа в нашей культуре...» [1, с. 157]. Философы неизбежно возвращаются к традиционной оппозиции: «западники» – «славянофилы» («почвенники»): «Проблема углубляется еще и тем, что даже пребывание на зыбком пограничье «двух варварств» не способно уберечь цивилизацию, ибо «варварство охранителей» и «варварство просветителей», взаимодействуя, перемножаются, плодя особенно отвратительные формы квазидециализации, которые П.Н. Милуков, оппонировав в 20-х годах нашего века понятию «Евразия», назвал термином «Азиопа». Думается, что и нынешняя политическая ситуация в России несет на себе черты «Азиопы» – как своего рода «дурного синтеза цивилизаций»; «западный» принцип плюрализма политических партий сочетается у нас с «восточным» принципом их структурирования как противостоящих кланов, выстраиваемых не снизу (на основе трансляции наверх определенных социальных интересов и ожиданий), а «сверху» – под конкретного лидера, подбирающего свою «клиентуру» [1, с. 161]. Три философа в очередной раз предлагали вариант примирения «западников» и «славянофилов»: «либе-